

УДК 903/904(57)«04/14»

А.М. Илюшин

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В эпоху средневековья на территории Кузнецкой котловины проживали многочисленные этнические группы образующие две крупные этно-культурные общности, которые по языку их общения можно назвать самодийской и тюркской. Эти общности были образованы предками двух современных коренных тюркоязычных народов Кузбасса шорцев и телеутов, которые в свою очередь, как в древности и средневековье, делятся на более мелкие этнические общности и группы (племена), сеоки (рода) и тёли (большие семьи, представители одной фамилии) [22, 45]. В эпоху средневековья каждое из двух сообществ имело свою специфическую культуру. Сегодня об этих культурах можно судить лишь по очень редким письменным свидетельствам средневековых авторов, а также многочисленным и разнообразным археологическим артефактам, оставшимся нам в наследие от этих народов той далекой эпохи. Историки с середины XIX века занимаются накоплением базы источников по культуре средневекового населения Кузнецкой котловины, что сегодня позволило систематизировать археологические источники на уровне археолого-этнографических комплексов, археологических культур, типов памятников, отдельных памятников, категорий инвентаря и их классов, отделов, групп и типов. В настоящей работе ставится задача обобщить и проанализировать информацию по культовым памятникам, которые играли одну из ключевых ролей в духовной жизни средневекового общества и служили разным целям.

Известно, что в древности и средневековье у народов Саяно-Алтая культовые памятники использовались, как правило, для исполнения обрядовых действий и представлены такими формами, как святилища, астрономические пункты наблюдений, отдельные культовые объекты и сакральные клады [31, с.35-36]. Вероятно, в средневековый период истории все эти формы культовых памятников имели место и на территории Кузнецкой котловины являющейся северной периферией Саяно-Алтая. Однако, слабая археологическая изученность этого региона, активное использование природно-экологических ресурсов и достаточно плотное его заселение, ведущее к исчезновению древностей в настоящее время, позволяют назвать лишь единичные археологические объекты, которые можно интерпретировать как средневековые культовые памятники. В их числе клады (святилища), культовые места и площадки, которые в разное время были обнаружены и исследо-

ваны в различных местах Кузнецкой котловины. Из этой группы на сегодня можно дать критическую оценку лишь для восьми культовых памятников.

Кладами принято считать наборы предметов (монеты, разнообразные изделия, драгоценные камни и металлы), спрятанные в земле или другом недоступном месте. По специфическим особенностям специалисты различают клады нескольких видов – сакральные и бытовые, или личные (личные), торговцев, грабителей, литейщиков и вотивные [6, с.111; 31, с.36; и др.]. К категории культовых памятников относится сакральный (вотивный) вид кладов, который подразумевает оставление групп и отдельных предметов в священном месте. Как правило, эти действия оценивались участниками как приношение божеству и в отличие от других видов кладов они оставлялись без намерения впоследствии их найти. Однако привести четкую грань между различными видами кладов по их предназначению в археологии достаточно сложно. Именно поэтому древние и средневековые клады, как правило, относят к категории культовых памятников. Сейчас к этому виду кладов можно отнести пять средневековых памятников Кузнецкой котловины.

Елыкаевский клад. Это скопление разнообразных предметов было найдено в 1917 г. близ одноименного села, расположенного на территории Кемеровского района рядом с современным городом Кемерово. Необходимо отметить, что дата обнаружения клада называется исследователями по-разному, в интервале 1903 - 1918 гг. Клад насчитывает 148 металлических изделий, среди которых были железные трехлопастные наконечники стрел, кинжалы, мечи, палаши, сабли (рис. 1, 1-17; 2, 1-16; 3, 1-15), бронзовые украшения и предметы культового назначения (блажа с изображением человеческого лица четырехугольной формы, фигуры всадника, медведя, лося, собаки). Эта коллекция сразу же была передана в Музей истории материальной культуры Томского университета. Этот источник исторической информации по культуре аборигенного населения вызвал большой интерес у исследователей. Материалы коллекции частично были опубликованы [9, с.106-114; 14, с.7; 19; 27, с.144; 29, с.108; 30, с.8; 32, с.261; 33, с.76-79; 35, с.263-268; 36, с.222-223; 40, с.63-65; 41, с.120-132; 42, с.35-36, 66-73, 82, 98; 45, с.46-57; 47, рис. 1, 23; 50, с.3-4; 51, с.17; и др.].

Терёхинский клад. Это знаменитое скопление предметов было обнаружено 19 августа 1908 года

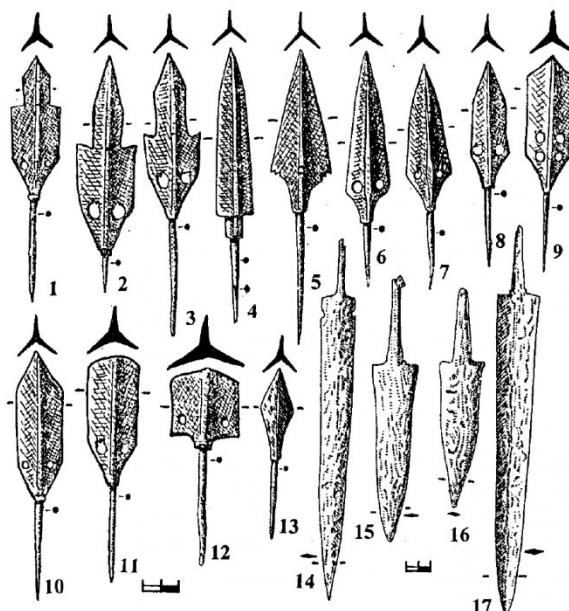

Рис. 1. Находки из клада Елыкаево: 1-13 – наконечники стрел; 14-17 – кинжалы; 1-17 – железо (по А.И. Соловьеву)

крестьянином из деревни Терёхино (вблизи современного города Новокузнецка) Фролом Пономаревым на размытом берегу реки Томи и насчитывал более 100 золотых вещей (бляшки, наконечники ремней, накладки, украшения конской упряжи). В числе находок были зафиксированы нашедшим (позднее утерянные) «три византийские монеты с изображением на одной стороне женщины, а на другой - мужчины с крестом и надписью нерусской». Этот клад был передан на хранение в государственный Эрмитаж, где находится и ныне в золотой кладовой. Материалы клада и информация о нем частично опубликованы [8, с.91; 14, с.7; 26, с.548; 30, с.49,140; 32, с.261-262].

Лебединский клад. Это открытие было сделано в 1988 году жителями одноименного села в Промышленновском районе. Во время земляных работ на огороде было обнаружено скопление древних предметов, которые были переданы на хранение в Кемеровский областной краеведческий музей. В числе 72 находок были – бронзовые бляшки, бусины и раковины каури. Месторасположение и находки клада были исследованы В.В. Бобровым и В.Н. Добжанским. Информация о памятнике частично введена в научный оборот [1, с.133-135; 14, с.27-28; 28, с.85].

Егозовский клад. Является одним из самых ранних археологических открытий средневековой эпохи. Этот клад был найден в конце XIX века и передан на хранение в музей истории Томского университета. Находки были сделаны на берегу реки Ини рядом с селом Егозово, которое расположено на современной административной территории Ленинск-Кузнецкого района. Известно, что среди находок были две дисковидные бляхи и

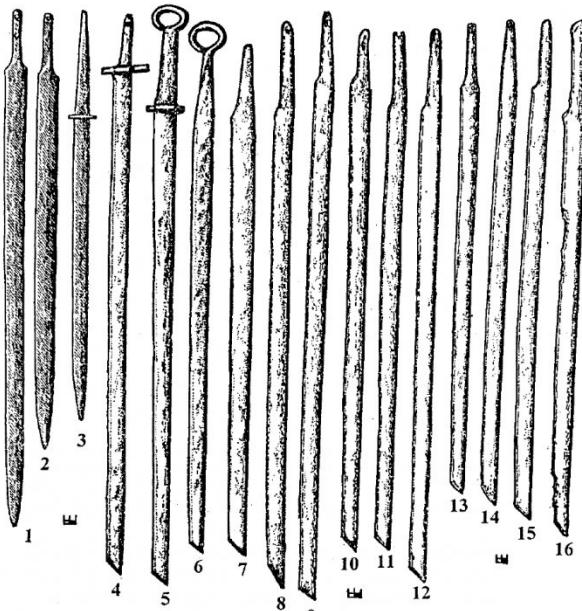

Рис. 2. Находки клада Елыкаево: 1-3 – мечи, 4-6 – палаши; 1-16 – железо (по А.И. Соловьеву)

двенадцать человекоподобных фигурок из светло-серого сплава (бронзы) с птичьими головами и руками в виде крыльев. На груди девяти фигурок из двенадцати изображено человеческое лицо. Информация об этом кладе частично опубликована [14, с.7; 29, с.108; 30, с.7,137; 32, с.262; 44, с.274].

Дегтярёвский клад. Это открытие было совершено в конце 1940-х годах вблизи деревни Дегтярёвка расположенной на левом берегу реки Ур в среднем её течении на современной административной территории Гурьевского района Кемеровской области. Две чаши из серебра и золота, по словам авторов открытий, были обнаружены во время распашки зяби на землях совхоза «Ур-Бедаревский». Ювелирные изделия, вероятно, изготовленные мастерами Золотой Орды хранятся в Новокузнецком городском краеведческом музее. Прежде этот памятник был интерпретирован наими, как случайная находка двух сосудов из благородных металлов [14, с.8]. Однако с учетом высокой стоимости в средневековую эпоху обнаруженных изделий и по свидетельству местных жителей о том, что «там были и другие какие-то предметы» не из благородных металлов более правильно интерпретировать его как клад.

Культовые площадки (места) это один из наиболее распространённых видов культовых памятников, который имеет достаточно аморфные классификационные грани. Под этим видом культовых памятников, как правило, понимают специально выбранные места на могильниках, рядом с погребением человека или отдельно, где люди совершили полифункциональные обрядовые действия, посвященные не только поминовению предков, культу Неба, Солнца и Луны, но другим природ-

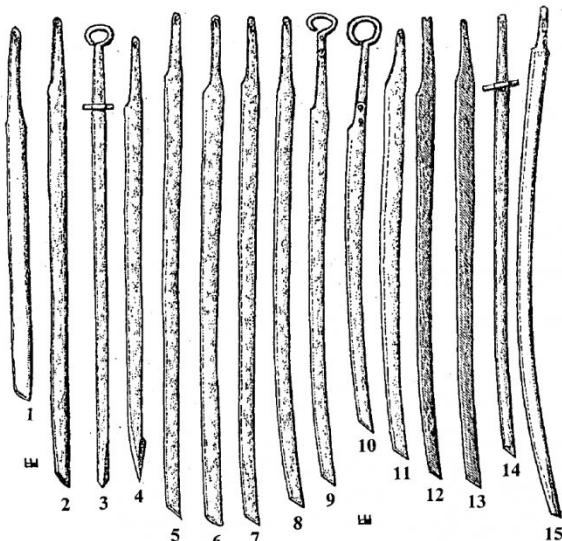

Рис. 3. Находки из клада Елыкаево: 1-7 – палаши, 8-15 – сабли; 1-15 – железо (по А.И.Соловьеву)

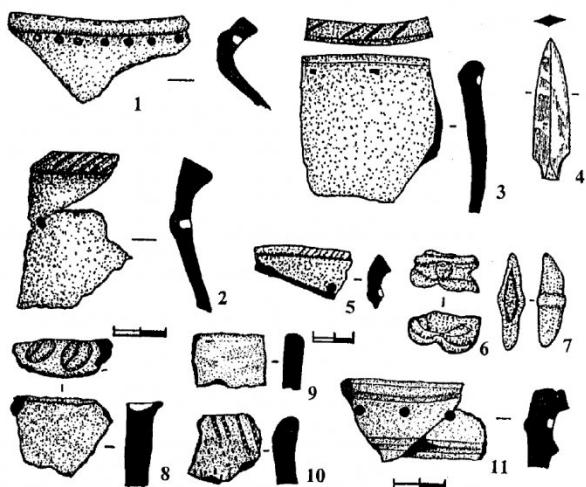

Рис. 4. Культовое место Подгорное. Находки из ям №2 (1,2), №5 (3-7) и №6 (8-10): 1-3,5, 8-11 – фрагменты посуды; 4 – наконечник стрелы, 6 – игральная кость, 7 – пуговица; 1-3,5,8-11 – керамика, 4,6,7 - кость

ным объектам – горам, воде, огню. В зависимости от своего социального статуса и количества населения использовавшего эти места исследователи интерпретируют как культовые центры союза племён (межплеменные), племенные культовые центры и местные [31, с.39].

Культовое место Подгорное. Этот памятник расположен на правом берегу реки Ур в среднем её течении, на мысовидной террасе образовавшейся на подошве Устюжанинского плато, в 1,4 км на ЮЮЗ от села Подгорное в Ленинск-Кузнецком районе. Памятник был открыт и, частично, обследован в 1995-1999 годах ККАЭ под руководством А.М. Илюшина. По своему содержанию памятник состоит из нескольких культурно-хронологических составляющих. На его площади сконцентрированы археологические объекты трёх хронологических эпох – средневековья, нового и новейшего времени. Средневековое культовое место располагается в восточной и центральной частях памятника. Здесь были выявлены десять неупорядоченно расположенных западин от грунтовых ям. При раскопках этих объектов были зафиксированы следы ритуальных действий – древесные угли, прокалы грунта, кострища, кости животных, костяные изделия, фрагменты керамической посуды, наконечник стрелы. При этом в ямах находились предметы материальной культуры средневекового аборигенного населения (рис. 4, 1-11) и русского населения конца XIX – начала XX века. Лишь, после раскопок русского жилища на окраине памятника стало ясно, что сооруженные в эпоху средневековья ямы для отправления ритуальных действий, в новое время были вторично использованы в качестве зольников, скопления и утилизации мусора. Необходимо отме-

тить, что такой культовый памятник зафиксирован на территории Кузнецкой котловины впервые. Не исключено, что это культовое место составляет единый историко-культурный комплекс с ранними мусульманскими захоронениями на территории Кузнецкой котловины, расположенными в западной части памятника и чья датировка не установлена по причине отсутствия в них находок. Но по ряду признаков (полное отсутствие органических тканей, восьмёркообразные рвы во внутреннем пространстве которых погребены семьи, трепанация черепа и др.) эти захоронения можно датировать поздним средневековьем. На момент открытия и визуального осмотра памятника западины были интерпретированы нами как остатки жилищ, а сам памятник как поселение. Однако раскопки западин показали отсутствие четких контуров жилищных котлованов и каких-либо конструкций и сооружений, с помощью которых можно было бы воздвигать наземные постройки пригодные для жилья и хозяйственных целей. Поэтому наиболее правильным нам представляется интерпретировать наличие западин на памятнике как культовое место, на котором средневековые аборигены совершили разнообразные обрядовые действия. Информация об этом уникальном памятнике и результатах его исследования, частично, опубликована [12; 13, с.220; 14; 15; 16, с.51-53; 18; 20, с.14-22; 21, с.330].

Культовая площадка Подгорное-1. Этот памятник располагается в березовой роще образующей колок в лощине на макушке Устюжанинского плато в 2 км на ЮЮВ от села Подгорное Ленинск-Кузнецкого района. Памятник открыл в середине 1990-х годов А.Н. Рудаков, а в 1998 году его обследовал А.М. Илюшин. Внешне памятник

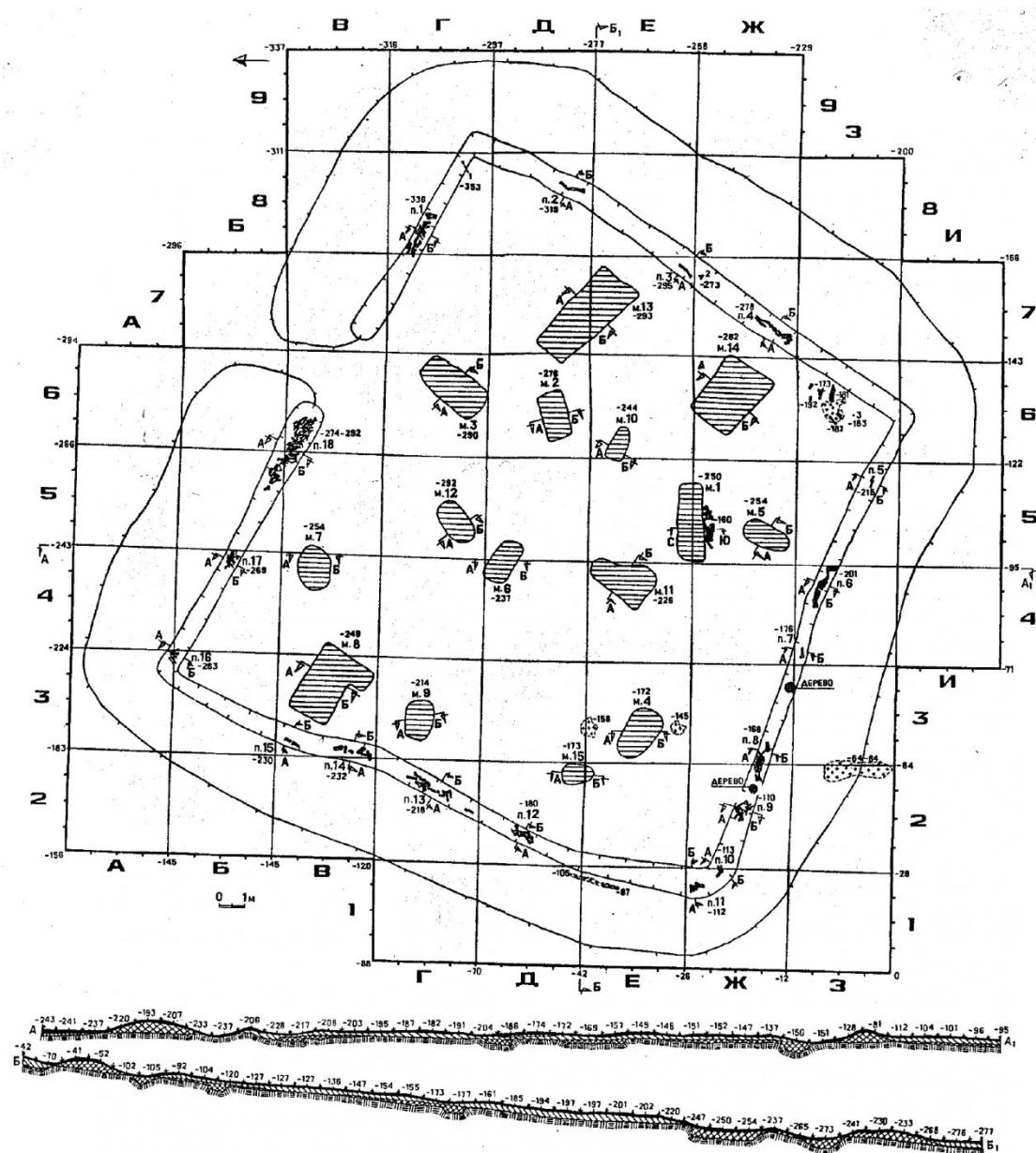

Рис. 5. Культовое место Раздольный-2. План и профили раскопа

представляет собой сакральное пространство площадью приблизительно 400 квадратных метров для обрядовых действий, которое было ограничено рвом подчетырехугольной формы с округлыми углами, ориентированными по сторонам света и насыпным валом с внутренней стороны. Ширина и глубина рва колебались в пределах 0,5-0,75 м и 0,05-0,18 м, а ширина и высота вала – 0,5-1,15 м и 0,15-0,35 м. Ров и вал в северо-восточной части были разомкнуты. Этот разрыв выполнял вход в пределы сакрального пространства. Площадь памятника сильно поросла мелким кустарником и деревьями бересковой рощи. Закладка шурfov и изучение сопредельной площади памятника с внешней стороны рва, за пределами сакрального пространства, позволили выявить следы ритуальных действий (костища, ямы, ми-

ниатюрные земляные насыпи). Предварительно памятник был датирован развитым и поздним средневековьем. Информация о нём частично опубликована [15, с.53-54; 16, с.52; 18].

Культовая площадка Раздольный-2. Этот памятник располагается на правом берегу реки Малый Бачат вблизи поселения Гурьевское, в 100 м к югу от современного кладбища посёлка Раздольный в Гурьевском районе. Памятник открыл и обследовал в 1994-1995 годах А.М. Илюшин. Ритуальная площадка для отправления разнообразных культов и жертвоприношений животных внешне представляет собой сакральное пространство площадью около 400 квадратных метров ограниченное рвом подчетырехугольной формы с округлыми углами, ориентированными по сторонам света и насыпным валом с внешней стороны.

Ширина и глубина рва колебались в пределах 0,75-1,15 м и 0,35-0,7 м, а ширина и высота вала – 2,5-3,15 м и 0,5-1,1 м (рис. 5). Ров и вал в северо-восточной части были разомкнуты. Этот разрыв выполнял вход в пределы сакрального пространства. У входа во рву было зафиксировано скопление костей животных, лежащих как в анатомическом порядке, так и перемешано, длиной 3,25 м и толщиной 0,35-0,45. Установлено, что в этом скоплении присутствовали останки пяти разновозрастных собак. Кроме этого, в каждой из четырех сторон рва были зафиксированы по три захоронения туш или шкур лошадей, а также единичные и скоплениями древесные угли. Во внутреннем сакральном пространстве были выявлены 15 грунтовых ям, разной величины и ориентации, в которых найдены захоронения домашних животных – лошадей, коров и козленка. В отдельных случаях туши животных перед захоронением в ямах были расчленены. Кроме этого, в южной части внутреннего пространства были зафиксированы скопления древесных угольков и обгорелых плах. В восточной части рва были найдены – фрагмент керамического сосуда, железное кольцо и каменное точило (рис. 6, 1-3). Предварительно памятник был датирован в широких пределах - развитым и поздним средневековьем, а более узко - XIII-XVI вв. Информация о памятнике и материалах раскопок частично опубликована [11; 13, с.219; 15, с.53-54; 16, с.52; 18].

Культовое место Шабаново-10. Этот памятник находится на ЮЗ окраине поселения Шабаново-10, которое расположено на правом и левом берегах реки Касьмы, на ЮЗ окраине села Шабаново, на первой надпойменной террасе, которая круто обрывается к реке. Памятник был открыт в 1999 году местным жителем Петром Крапивиным и был обследован А.М. Илюхиным. Поселение вытянуто с ЮЗ на СВ на расстояние 560 метров вдоль берегов реки, а его площадь составляет приблизительно 5,6 га. В 2000-2001 годах в местах наибольших разрушений ККАЭЭ были проведены раскопки. Общая площадь пяти раскопов состав-

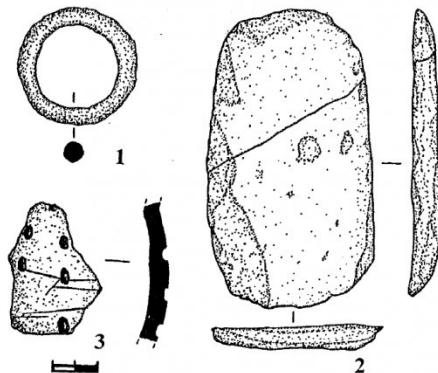

Рис. 6. Культовое место Раздольный-2. Находки: 1 – кольцо, 2 – точило, 3 – фрагмент сосуда; 1- железо, 2 – камень, 3 – керамика

ляет приблизительно 700 квадратных метров. Были зафиксированы следы костищ и найдены многочисленные фрагменты костей животных, керамической посуды и другие предметы материальной культуры, а на ЮЗ окраине в раскопе №2 было выявлено место отправления ритуалов связанных с жертвоприношением животного. В этом месте была обнаружена грунтовая яма №1 овальной формы. Размеры ямы – 1,96 x 0,89 x 0,52 м, длинной осью она ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. После зачистки в яме были выявлены – остатки двух деревянных шестов со следами перегнившей органики (предположительно кожи) и фрагменты скелета коровы (или быка) находящиеся в анатомическом сочленении (рис. 7). По положению костей и деревянных шестов можно предполагать, что в этой яме совершено жертвеннное захоронение отдельных частей туши крупнорогатого животного после его полного расчленения. Вероятно, их доставили на носилках, которые представляли собой два шеста, на которых была закреплена шкура убитого животного, и вместе с ними погребли в грунтовой яме. С каким конкретным ритуалом было связано это захоронение животного, сказать сейчас невозможно. Можно лишь предполагать, что оно связано с давно действующей переправой через реку, так как располагалась рядом с бродом. Но нельзя отрицать и того, что это ритуальное захоронение составляет единое культурно-историческое пространство вместе с культурным слоем средневекового поселения. О том, что это место выполняло в своё время, культовую функцию определенную исторической традицией нет ни каких сомнений. Информация о памятнике и результатах полевых исследований частично введена в научный оборот [18, и др.].

Информация по средневековым археологическим кладам Кузнецкой котловины известна широкому кругу специалистов, а источники по культовым площадкам и местам, практически, публикуются нами впервые. До сих пор материалы из описанных памятников лишь в единичном порядке вводились в научный оборот, а другие ещё

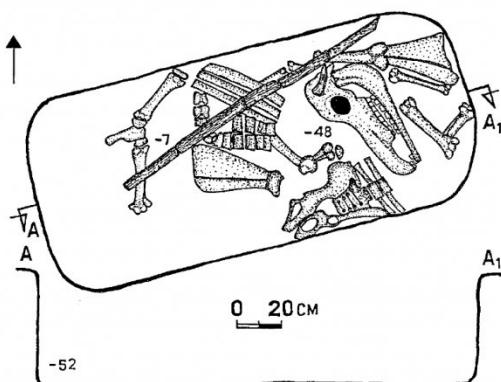

Рис. 7. Поселение Шабаново-10. Культовое место в раскопе №2 2000 года.
План и разрез грунтовой ямы №1 с захоронением крупнорогатого животного

ждут своих исследователей. Однако известная на сегодня база артефактов из этой группы средневековых памятников, сделанных при их открытии и обследовании, уже позволяет провести их классификацию. Среди находок имеются такие категории инвентаря, как предметы вооружения, одежду, быта и керамическая посуда (рис. 1, 1-17; 2, 1-16; 3, 1-15; 4, 1-11; 6, 1-3).

Предметы вооружения представлены находками наконечников стрел, кинжалами, палашами и саблями из Елыкаевского клада и культового места Подгорное (рис. 1, 1-17; 2, 1-16; 3, 1-15; 4, 4).

Наконечники стрел найденные на этих памятниках относятся к двум классам по материалу изготовления – железные и костяные, которые относятся к одному отделу – черешковых и подразделяются по сечению и форме пера на 2 группы и 7 типов.

Железные, черешковые наконечники стрел относятся к одной группе – **трехлопастные**, которая насчитывает 6 типов: 1) ярусные, в разном исполнении (рис. 1, 1-3); 2) удлиненно-треугольные с короткой шейкой (рис. 1, 4), 3) ромбические (рис. 1, 13); 4) ассиметрично-ромбические, в разном исполнении (рис. 1, 5-7); 5) шестиугольные, в разном исполнении (рис. 1, 8-10); 6) томары, в разном исполнении (рис. 1, 11,12). Десять из тринадцати классифицированных наконечников стрел имели отверстия округлой и овальной формы, которые располагались в нижних частях лопастей.

Костяные, черешковые наконечники стрел относятся к одной группе – **ромбические**, которая представлена 1 типом: 1) удлиненно-треугольные (рис. 4, 4).

Кинжалы. Как и другие предметы ближнего боя, эта категория оружия была найдена в числе прочих Елыкаевского клада. По материалу изготовления, форме лезвия и отсутствия перекрестья он относится к группе железных, типу – прямых без перекрестья (рис. 1, 14-17). При этом каждый кинжал имеет свои индивидуальные черты.

Мечи. Три экземпляра этих предметов ближнего боя имеются в Елыкаевском кладе, которые относятся к группе линзовидных по сечению клинка, а по форме рукояти и перекрестья к 2 типам: 1) с плечиками без перекрестья, в разном исполнении; 2) без плечиков с брусковидным перекрестьем (рис. 2, 1-3).

Палаши. Коллекция этих предметов ближнего боя, в хорошей сохранности, была обнаружена в числе других находок Елыкаевского клада. Все они относятся к одной группе трехгранных, а по форме рукояти, перекрестья или его отсутствию – к 6 типам: 1) с плечиком и брусковидным перекрестьем (рис. 2, 4); 2) с плечиком без перекрестья (рис. 2, 7-13,15; 3, 2,4-7); 3) с кольцевым завершением рукояти без плечиков и брусковидным перекрестьем (рис. 2, 5; 3, 3); 4) с кольцевым завершением

рукояти без плечиков и перекрестья (рис. 2, 6); 5) без плечиков и перекрестья (рис. 2, 14); 6) с двумя плечиками без перекрестья (рис. 2, 16; 3, 1). Необходимо отметить, что каждый палаш изготавлялся индивидуально, что и обуславливает их большое разнообразие не только в пропорциях и весе, но и в исполнении формы острия – с односторонне скошенным, тупым остриём (рис. 2, 4-16; 3, 1,2,5-7), тупоугольным (рис. 3, 3), с елманью (рис. 3, 4).

Сабли. Эти достаточно редко встречающиеся предметы ближнего боя были в числе находок Елыкаевского клада. По разрезу лезвия они относятся к одной группе трехгранных, а по форме рукояти и перекрестья подразделяются на 4 типа: 1) с двумя плечиками без перекрестья (рис. 3, 8); 2) с кольцевым завершением рукояти с одним плечиком без перекрестья (рис. 3, 9,10); 3) с одним плечиком без перекрестья (рис. 3, 11-13,15); 4) без плечиков с брусковидным перекрестьем (рис. 3, 14). По исполнению формы острия все сабли одинаковые – с односторонне скошенным, тупым остриём.

Предметы одежды представлены единственной находкой – вытянутой костяной пуговицей из ямы №5 на культовом месте Подгорное (рис. 4, 7).

Бытовые предметы представлены редкими находками преимущественно на культовых местах. В их числе: *игральная kostь* представлена находкой альчика барана, зафиксированной при раскопках ямы №5 на культовом месте Подгорное (рис. 4, 6); *крепёжное кольцо* выполненное из железа и которое было найдено во рву культового сооружения Раздольный-2 (рис. 6, 1); *каменное точило* найденое во рву культового сооружения Раздольный-2 (рис. 6, 2).

Керамическая посуда является самой многочисленной категорией находок на средневековых культовых местах Кузнецкой котловины. Её находки представлены, как правило, фрагментами венчиков и тула некогда целых сосудов. Для их анализа используется коллекция керамической посуды, состоящая из 9 фрагментов сосудов, которые были обнаружены при раскопках ям за №№ 2, 5 и 6 на культовом месте Подгорное (рис. 4, 1-3,5,8-11) и во рву культового сооружения Раздольный-2 (рис. 6, 3).

Из 9 изучаемых экземпляров керамической посуды 8 (7 орнаментированных и 1 неорнаментированный) являются фрагментами венчиков и 1 орнаментированным фрагментом тула.

О форме сосудов можно говорить лишь на уровне предположения, так как она представлена только фрагментами. Их форма позволяет предположить, что посуда в основной массе она имела форму горшков.

Фрагменты венчиков можно классифицировать по профилю и форме. По профилю выделяются 2 типа венчиков: 1) отогнутый наружу, в разном исполнении (рис. 4, 1-3,5,10); 2) прямой, в

разном исполнении (рис. 4, 8, 9,11). По форме венчики тоже делятся на 2 типа: 1) окружные (рис. 4, 3,9,10); 2) с плоскими краями (рис. 4, 1,2,5,8,11).

На 8 экземплярах керамической посуды имелся орнамент, который наносился на венчик, шейку и туло. Имеющиеся на посуде орнаментацию можно классифицировать по таким категориям, как способ нанесения орнамента, элемент и мотив.

По способу нанесения орнамента на изучающую керамическую посуду выделяются 3 типа: 1) штампованные (рис. 4, 1-3,5,8,10,11,12; 6, 3); 2) резные (рис. 4, 2,3,5; 6, 3); 3) рельефно-налепные (рис. 4, 11).

По элементам орнамента, нанесенным на керамические сосуды или их отсутствию выделяются 7 типов: 1) круглые ямки, в разном исполнении (рис. 4, 1,2,5,11; 6, 3); 2) узкие резные желобки, в разном исполнении (рис. 4, 2,3,5; 6, 3); 3) валики, в разном исполнении (рис. 4, 11); 4) оттиски гребенчатого штампа, в разном исполнении (рис. 4, 10); 5) ямки подчетырехугольной формы (рис. 4, 3); 6) ногтевой оттиск (рис. 4, 8); 7) без орнамента (рис. 4, 9).

По мотивам орнамента, нанесенным на керамические сосуды из исследуемых памятников выделяются 3 типа: 1) горизонтальное расположение элементов (рис. 4, 1-3,5,8,11; 6, 3); 2) вертикальное расположение элементов (рис. 6, 3); 3) наклонное расположение элементов (рис. 4, 10).

Проделанная классификация артефактов и их признаков позволяет более полно, чем прежде, исследовать вопрос датировки культовых памятников путём поиска аналогий и обобщенного сравнительного анализа.

Историографический обзор позволяет сделать вывод, что наибольшая дискуссия разгорелась вокруг датировки Елыкаевского клада. Первым был В.А. Могильников, который в 1968 году опубликовал часть коллекции этого клада и датировал её как относящуюся к двум историческим периодам – раннему железному веку и средневековью. При этом автор сделал вывод о том, что «основная масса вещей относится к VII-VIII векам» [35]. Вторым был А.И. Мартынов, который в 1973 году высказал мнение, что средневековая часть коллекции датируется в пределах второй половины I тысячелетия н.э. [33]. Затем такие исследовали, как Н.М. Зиняков, Ю.А. Плотников и С.А. Соловьев изучавшие средневековые материалы Елыкаевского клада согласились с датировкой предложенной В.А. Могильниковым проигнорировав точку зрения А.И. Мартынова [9, с.106-114; 40, с.53-65; 41, с.120-132; 42, с.35-36,66-73,83,98]. Видимо это обстоятельство и позволило В.А. Могильникову в 1987 году подтвердить датировку этого памятника VII-VIII вв. и включить его в круг древностей рёлкинской археологической культуры [36, с.222-223]. В 1993 году вопрос о датировке этого памятника изучает Ю.С. Худяков и поддерживает мнение А.И. Мартынова о датировке клада

в пределах второй половины I тысячелетия н.э. [45, с.46-57].

Наше отношение к датировке и хронологии Елыкаевского клада несколько иное [19]. Этот памятник представляет собой комплекс находок разных исторических эпох и периодов – раннего железного века, раннее и позднее средневековье. При этом датировка всего комплекса находок представляющего собой исторический факт сохранения разновременных предметов должна определяться теми изделиями, которые наиболее близки к нам хронологически, то есть поздним средневековьем. О датировке елыкаевского клада этим историческим периодом указывают аналогии отдельным предметам вооружения ближнего боя. В число этих находок сабли (рис. 3, 8-15) и кинжалы (рис. 1, 14-17). Известно, что сабли появляются в западной части просторов Евразии в VII-VIII вв. и быстро достигают пределов Центральной Азии. Первые сабли имели слабоизогнутый однолезвийный клинок и симметричное остриё. В монгольский период истории появляются сабли с сильно изогнутыми клинками, но концы лезвий остаются, при этом симметричными [7, с.121, рис. 3, 1; 10, с.10-11, рис. 2, 1; 25, с.308, табл. 123; 34, с.148-150; 37, с.103-104; 38, с.156-164; 39, с.164-167; 43, с.22-23, рис. 3, 1; 44, с.118, рис. 1; 46, с.129-131, рис.82; и др.]. На елыкаевских саблях фиксируется одностороннее сконченное остриё (рис. 3, 8-15), что указывает на их отличие от классических, широко распространённых, образцов этого клинового оружия раннего и развитого средневековья. Вероятно появление сабель с односторонне сконченным остриём (более широким и крепким по этой причине –А.И.), объясняется необходимостью увеличить силу скользящего и рубящего удара и отказаться от колющеудара против соперника защищенным тяжелым железным панцирем. Сабли с симметричным острием по сравнению с саблями со сконченным острием явно были более «хрупкими» и ломкими в бою против тяжеловооруженных всадников. Известно, что в период позднего средневековья количество воинов защищенных железными панцирями на территории Центральной Азии заметно возрастает по сравнению с предыдущими историческими периодами [2, с.7-10; 3, с.413; 4, с.384-392; 5; и др.]. Вероятно, это обстоятельство и предопределило появление сабель с односторонне сконченным остриём на степных просторах Евразии в это время. При этом они существовали с другими типами сабель, имеющими отличные формы окончания острия. Очень хорошо об этом историческом факте свидетельствуют иллюстрации Литцевого свода XVI века. Эти рисунки являются древнейшими, оригиналными изобразительными свидетельствами о Куликовской битве воспроизведенными в том виде, как они представлялись художнику. На двух сюжетах – «Татары наступают на русскую пехоту» и «Выступление засадного

полка» воспроизведенных в книге А.Н. Кирпичникова «Куликовская битва» на ряду с изображениями классических сабель имеются изображения сабель со скошенным остриём [24, с.11, рис. 11; 12]. Это обстоятельство позволяет утверждать, что в XVI веке уже существовали сабли со скошенными и симметричными остриями. Ведь художник передавал образы и рисовал оружие, навеянные окружающей его действительностью. Наиболее вероятно, что сабли со скошенным остриём появились в XV-XVI веках. Ведь не зря XVI век называют веком сабли на Руси [23, с.25]. Появление таких сабель и массовое их употребление на территориях степной Евразии и Кузнецкой котловины, в частности, о чем свидетельствуют находки Елыкаевского клада, могло произойти только лишь в XV-XVI-XVII веках, то есть в период позднего средневековья. На датировку Елыкаевского клада поздним средневековьем указывают и находки железных кинжалов (рис. 1, 14-17), которые имеют аналогии в позднесредневековых древностях на территории Кузнецкой котловины [17, с.226-229, рис. 2, 6]. Приведенные аналогии и обстоятельства нахождения комплекса разновременных находок в одном месте интерпретируемого как клад позволяет датировать Елыкаевский клад поздним средневековьем.

По набору инвентаря Елыкаевский клад сравнивают с Ишимским и Парабельским кладами, которые располагаются на территории Среднего Приобья и интерпретируются как «оружейные клады» на местах святилищ, где практиковался обряд воинственных плясок посвященных своему божеству-защитнику рода или племени [41]. Любопытно, что теперь все эти клады датируются поздним средневековьем, то есть они, все сооружены в период колонизации и освоения русским государством западносибирских просторов. Последнее для коренных жителей Среднего и Верхнего Приобья, практически всегда было связано с ведением войны. Видимо это обстоятельство и побудило расцвет культа небесного божества защитника и помощника в ведении военных действий, вероятно, трансформировавшегося в культ дружинного божества, что и объясняет богатство этих специфических по набору «кладов» - храмов.

Все другие даты культовых памятников пока остаются прежними. При этом необходимо отметить, что наши выводы о культовом назначении двух памятников Подгорное и Раздольное попытались поставить под сомнение новокузнецкий археолог Ю.В. Ширин. Судя по тексту его публикации, он «детально» ознакомился с памятниками Подгорное и Раздольное-2 и сделал следующий вывод: «что Подгорное является остатками полуzemлянок на поселении рубежа I-II тыс., а Раздольное-2 современным скотомогильником» [49, с.162]. Нам не известно, с какими деталями вышеуказанных памятников знакомился Ю.В. Ширин

(так как автор не пишет об этом –А.И.) после наших раскопок на них, что и позволило ему сделать такой вывод. Однако результаты раскопок и работа с местными информаторами позволяют воспринимать этот вывод с достаточной долей иронии. Абсурдность выводов Ю.В. Ширина о датировке и интерпретации указанных памятников заключается в следующем. Во-первых, если он детально знакомился с памятником Раздольное-2, то должен был в 100 метрах от него увидеть современное действующее кладбище посёлка Раздольный, что сразу же указывает на невозможность интерпретации археологического памятника современным скотомогильником по причинам нарушения действующих санитарных норм. Во-вторых, конструкция культовой площадки, системность расположения захоронений животных в пределах сакрального пространства указывающая на их семантическое предназначение, единичные захоронения животных на уровне древней дневной поверхности, а также единичные находки археологических артефактов ни коим образом не связывают Раздольное-2 с современным скотомогильником. В-третьих, интерпретируя западины (ямы) на памятнике Подгорное, как остатки полуземлянок, исследователь даже не познакомился с результатами раскопок, которые свидетельствуют об отсутствии чётких границ грунтовых жилищных ям и отсутствие дополнительных конструкций. В-четвертых, каждая яма на поверхности имела сильно различающиеся между собой параметры, культурный слой эпизодически фиксировался прослойками на всем раскопе, и ни одна из них не была углублена в материк, что не характерно для средневековых полуzemлянок. Судя по всему, выводы «наспех сделанные» нашим оппонентом по изучению культовых памятников имеют околовучное происхождение, когда коллега вынужден зарабатывать свой кусочек хлеба под конкретный социальный заказ. Эта уже не первая по абсурдности содержания работа Ю.В. Ширина в этом направлении. Близкая по смысловому содержанию работа была им опубликована в 1997 году [48] о чём нам приходится только искренне сожалеть.

По нашему мнению выявление культовых площадок Раздольное-2 и Подгорное-1 схожих между собой по конструкции в долинах рек Малый Бачат и Ур на расстоянии 30-35 км друг от друга позволяют интерпретировать их как места отправления культов крупных этнических общностей – племён или крупного рода. Оценивая, в целом, результаты изучения кладов, культовых мест и площадок можно уверено заявлять, что эти памятники представляют собой уникальное явление в историко-культурном наследии средневекового населения Кузнецкой котловины и вносят весомый вклад в фонд археологических источников по средневековой истории Кузнецкой котловины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров В.В., Добжанский В.Н. Лебединский клад // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. науч.-практ. конф. -Красноярск, 1989. С.133-135.
2. Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Т. 2. -Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С.7-10.
3. *Бобров Л.А.* Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. -Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С.413.
4. *Бобров Л.А.* Среднеазиатский доспех конца XV-XVII вв. // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. -Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С.384-392.
5. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. -Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С.66-212.
6. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. -М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. *Горелик М.В., Дорофеев В.В.* Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка // Проблемы военной истории народов востока. Вып. 2. -Л., 1990. С.109-126.
8. *Дружинская Г.В.* Материалы по Западной Сибири в фотоархиве института истории материальной культуры РАН // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. -Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. С.82-94.
9. *Зиняков Н.М.* Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. -Кемерово: КемГУ, 1976. С.106-114.
10. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). -М.: Наука, 1988. 90 с.
11. *Илюшин А.М.* Отчёт о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. -Кемерово, 1995. 104 с., 362 илл.
12. *Илюшин А.М.* Отчёт о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1996 году. -Кемерово, 1996. - 44 с., 101 илл.
13. *Илюшин А.М.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т. 2: Культура тарских татар. -Новосибирск: Наука, 1997. С.219-220.
14. *Илюшин А.М.* История и историография исследований по средневековой археологии Кузнецкой котловины: Учебное пособие. -Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 74 с.
15. *Илюшин А.М.* Изучение этнографо-археологических комплексов в полевой практике Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Владивосток-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С.53-55.
16. *Илюшин А.М.* Кузнецкие татары по историко-этнографическим и археологическим источникам // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». -Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С.51-53.
17. *Илюшин А.М.* Позднесредневековые древности в долине нижнего течения р.Касьмы // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. -Новосибирск: РТФ, 2003. С.226-231.
18. *Илюшин А.М.* Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. -Барнаул: Изд. АГУ, 2004. С.132-138.
19. *Илюшин А.М.* Елыкаевский клад (о датировке и его интерпретации) // Актуальные вопросы социогуманитарного знания. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – С. 151-160.
20. *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А.* Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1996 году. – Кемерово, 1996. - 34 с., 39 илл.
21. *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Роговских В.С., Маркова Е.В.* Кузнецкая археолого-этнографическая экспедиция // Археологические открытия 1995 года. -М.: Институт археологии РАН, 1996. С.329-331.
22. *Кимеев В.М.* Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. -Кемерово, 1989. 189 с.
23. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII-XV вв. -Л.: Наука, 1976. 256 с.
24. *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. -Л.: Наука, 1980. 117 с.
25. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология

- СССР. -М.: Наука, 1985. С.298-363.
26. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. -М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
 27. Коротаев А.М. К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р.Томи // ИЛАИ. Вып. 11. – Кемерово: КемГУ, 1979. С.142-148.
 28. Кузнецова Л.Ф. Археологическая коллекция Кемеровского областного краеведческого музея. Начальное описание и использование // «Наука и музей»: материалы науч.-практ. семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. -Кемерово, 2002. С.85-87.
 29. Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // ИЛАИ. Вып. 13. -Кемерово: КемГУ, 1985. С.105-112.
 30. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. -Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989. 158 с.
 31. Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. -Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С.34-42.
 32. Мартынов А.И. Из истории археологического изучения Кузнецкой земли и соседних с ней территорий // Вопросы истории и филологии. Вып. 8. -Кемерово: КГПИ, 1964. С.252-269.
 33. Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов斯基фо-сарматского времени в Томско-Енисейском районе // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. -Кемерово: КГПИ, 1973. С.3-69.
 34. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА, т. XXIII, 1955. С.148-158.
 35. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА, N1, 1968. С.263-268;
 36. Могильников В.А. Рёлкинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. -М.: Наука, 1987. С.216-231.
 37. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. -М.: Наука, 2002. 362 с.
 38. Плетнёва С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА, N62, 1958. 187 с.
 39. Плотников Ю.А. Рубящее оружие Прииртышских кимаков // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. -Новосибирск: Наука, 1981. С.164-167.
 40. Плотников Ю.А. Развитие рубяще-колющего оружия в I тыс. н.э. // Материалы XIX Всесоюзной научной студенческой конференции. История. -Новосибирск: Изд-во НГУ, 1981. С.63-65;
 41. Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. -Новосибирск: Наука, 1987. С.120-135;
 42. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. -Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
 43. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. -М.: Изд-во МГУ, 1966. 270 с.
 44. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. -Томск, 1896. 300 с.
 45. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII - первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 18: Телеуты. -М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 326 с.
 44. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. -Новосибирск: Наука, 1981. С.116-120.
 45. Худяков Ю.С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина. Вып. 1. -Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1993. С.46-57.
 46. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. -Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. 160 с.
 47. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. -Томск: Изд. ТГУ, 1991. 181 с.
 48. Ширин Ю.В. Об одном из подходов к решению этнокультурных проблем в археологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. V Всерос. науч. семинара. -Омск-Уфа: Изд-во ОГПУ, 1997. С.178-182.
 49. Ширин Ю.В. Поселение кузнецких татар барсаятской волости XVIII в. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. -Горно-Алтайск, 2005. С.157-168.
 50. Эрдниев У.Э. Городище Маяк. -Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. 68 с.
 51. Эрдниев У.Э., Шпарог Ю.А., Белошицкий Д.Д. Памятные места города Новокузнецка. -Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1956. 48 с.

□ Автор статьи:

Илюшин

Андрей Михайлович

– докт. истор. наук, проф. каф. отечественной
истории, теории и истории культуры